

Е. М. Верещагин

ОДИН СЛУЧАЙ СЕМАНТИКО-ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ: ἐλέγχειν и обличати

В древнейшей славяно-русской служебной минее за декабрь¹ седален последования 7-го дня, на память св. Амвросия, епископа Медиоланского, начинается так:

Пр(о)ркоу илии рвьноуа
иоаню такоже кр̑стителеви
моужьскы̑ обличить неси (διήλεγξας) ц(с)рл̑ незаконны̑...

Пророк Илия, действительно, укорял царя Ахава и его жену Иезавель за идолослужение, причем царь покаялся, а царица продолжала упорствовать и пыталась убить пророка (3 и 4 Цар). Что же касается Иоанна Крестителя, то последний ветхозаветный пророк также укорял одного из современных ему владетелей — четверовластника Ирода Антипу за незаконное сожительство. По настоянию царицы, он был обезглавлен (Мф 14,1—12, Мк 6,14—30).

3-ья стихира на стиховне в той же службе читается так:
Правовѣрнаго ц̑саря̑ съгрѣшивъша̑ древле
тако давид̑а нафанъ съ дерзновени̑емъ обличи (ἐλήγγξας),
ам̑броси̑е преблажене,
того гавѣ въ отълоучени̑е вложи
и покаганы̑емъ наказавъ боголѣпно
причета стадоу сво̑емоу.

Пророк Нафан, упоминаемый в стихире, дерзновенно пришел к царю Давиду и, прибегнув к притче, обличил его за Вирсавию, незаконно взятую в жены (2 Цар 11 и 12).

Приведем 3-ий тропарь 6-й песни канона:
Рвность твоа̑ илиинѣ̑ рвности подобит̑ с̑л̑, бл̑жне,
ц(с)рл̑ бо вѣрна̑ оскв̑рныша̑ с̑л̑ кровьми̑
обличивъ отгна̑ть неси̑ отъ б̑ествны̑хъ привратии̑
достоино̑е хран̑а б̑ви̑.

В стихире и тропаре вспоминается некий царь, а в седалине — цари, с которыми у св. Амвросия были столкновения, что и позволяет гимнографу уподобить христианского святого трем ветхозаветным пророкам — На-

¹ Она опубликована факсимильно. См.: Служебная минее за декабрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям. Gottesdienstnamen für Dezember. Herausgegeben von Hans Rothe und E. M. Vereščagin. Köln, Weimar, Wien, 1993. Принципы наборного воспроизведения источника, которых мы, в частности, придерживаемся в данной статье, изложены в предварительной публикации (Prodromos. Teilabdruck aus: Служебная минее за декабрь в церковно-славянском переводе по русским рукописям. Köln — Wien, 1992. С. 33—38).

фану, Илии и Иоанну Крестителю. Известно, что литургическая поэзия как правило отсылает к определенному эпизоду из жития святого. И на самом деле, в проложном чтении (цитируем древнейший Пролог, включенный в служебную миною; болгарской редакции) упоминается о противостоянии Амвросия императору Феодосию I:

Оцѣ ѿншѣ стѣ амбросіе вѣлики ... прѣбы(с) до времени великаго тео(д)сѣа огорчивша се и пославша воинство въ солоунѣ и исекоша люди понеже съгрѣшише црви. посемь приде въ мѣдиланѣ гра(д) въ праздник х(с)ва рож(с)тва. хощецоу же емоу внити въ црковь помолити се причестити се прѣчъстїи хъ тайнъ и възбрани емоу стѣ внити рехшоу емоу гако ѹбїица еси гако толико створи крви пролитїа хр҃гїанъ. такових бо цркви бжїа не приемлетъ. црѣ же почюдив се стомоу и почте и и отиде рекъ гако истинни ѣ(с) стль сь.

В пространном Житии Амвросия, принадлежащем Павлину-пресвитеру, говорится также о столкновениях Амвросия с царем Валентианом и его матерью Иустиной, державшейся арианства. Если же вернуться к Феодосию, то в пространном Житии приведенный выше краткий проложный рассказ о диалоге между святителем и царем расцвечен упоминанием о грехопадении царя Давида:

Глагола же къ немѹ црѣ: и Двѣдъ согрѣши, оубїйство и прелюбодѣланїе сотвори, обаче не лиши сѧ бжїа мл(с)рдїа. Отвѣща емѹ еп(с)кпѣ: аще подражалъ еси Двѣдѹ грѣшашемѹ, подражай оубо емѹ и кающемѹ сѧ. И возврати сѧ црѣ въ палаты своѧ смѹщенъ, жалѣта о грѣсѣхъ своемѹ (цитируется Миней-четья Димитрия Ростовского).

Противостояние Амвросия Феодосию, — оно, как видно из песнопений, категорически осмысливается как *обличение*, — завершилось благополучно, поскольку царь подвинулся к покаянию. В аналогичном же столкновении, однако, святителя Иоанна Златоуста с царицей Евдоксией (оно описано как в его пространном Житии, так и в Повести о Епифании Кипрском) исход был совсем другой: Иоанн выступил на защиту вдовы, которую ограбила Евдоксия, но в ответ был дважды на соборах осужден и отправлен в изгнание, где и скончался.

Примечательно, что царица прямо запрещает Иоанну обличать ее публично: Не мози обличити на лицї ц(с)рь². Из ее слов видно, что царей вообще нельзя ни укорять, ни осуждать. В противном случае она прямо угрожает вернуться в язычество, ибо в старой вере богоуподобление императора исключало любое его обличение.

Святитель, естественно, не признал подобной царской исключительности. Достоинно замечания, что и Епифаний, — а царица вызвала его в Константинополь, чтобы он осудил Иоанна, — напоминает царице о ее обязанности терпеливо сносить обличения духовных лиц: ц(с)ремь несть

2 Цитируем Повесть о Епифании. См.: Успенский сборник XII—XIII вв. / Изд. подгот. Князевская О. А., Демьянов В. Г., Ляпон М. В. М., 1971, Л. 168г (далее — Усп. сб.).

оукоризноу приимати. и прашати. и имѣже и вы имате ц(с)рѣ на нбсьхъ. ѣмоу вѣиноу сьгрѣшаєте (Усп. сб. Л. 169г).

Обратим внимание и на то, что Иоанн Златоуст, обличая, прибегает, подобно Амвросию, к аналогиям из Свщ. Писания. Таково знаменитое слово Иоанна на усекновение главы Иоанна Крестителя (которое, скажем кстати, и переполнило чашу терпения Евдоксии): Паки иродита бѣсит се паки моутит се паки метет се. паки плещеть. паки просит главы іоана кр(с)тителга безаконнаа отъ ірода оусѣкнути³. Слово это, поставленное в контекст известных событий, для слушателей было вполне прозрачно.

Между тем в другом своем Слове Иоанн Златоуст ясно говорит о благонамеренной цели обличений Иоанна Крестителя (и, безусловно, своих собственных): Иоанъ сvezаную ѣго (т. е. Ирода) ѣшу плѣницами грѣховнами обличеѣмъ хотѣяше раздрѣшити. а онъ раздрѣшающааго везаше (Мих. л. 261а). Обличение, следовательно, отнюдь не подрывает основы власти как таковой, а должно послужить спасению согрешившего властителя.

Если же обличающего епископа или патриарха пытаются остановить и высказывают угрозы, то не только земные узы не помогут (нѣ аще и везаше и іоанъ глше. и въ тѣмницю вѣмѣтаѣмъ обличаше и) (Мих. Л. 261а), но и само лишение святителя жизни (несома же глава іоанова на блюдѣ на вечерю. глше къ іроду не достоитъ ти жены имѣти брата своего. и по смърти бо правдивыи живъ е(с)) (Мих. л. 262а).

В византийской агио- и гимнографии, наряду с Амвросием Медиоланским и Иоанном Златоустом, немало и других святых, которые без боязни предстают перед неправедными царями (например, ересиархами) и во всеуслышание обличают их. Акт такого поведения с течением времени приобрел повторяющиеся, стереотипные черты.

Соответственно и в семантике глагола *обличати* и имени *обличение* появился — путем генерализации контекстов (как это обычно бывает в развитии литературного языка) — многочисленный набор устойчивых семантических долей. В рамках небольшой статьи невозможно проследить за генезисом и статусом (к XII в.) каждой из этих семантических долей, поэтому ниже приводятся лишь минимальные комментарии и излагаются скорее прямо результаты, чем сам ход лингвокультурологического анализа.

Непосредственно по принятии крещения подавляющая часть книжного достояния Руси состояла, как известно, из переводных текстов. Как всегда бывает, оригинальная словесность запаздывала: на первых порах она не представляла собой большого массива, да и по читаемости находилась на периферии внимания. Не случайно все рассмотренные выше фрагменты из книжности, обращавшейся на Руси, — песнопения, выписки из житий и проповеднических слов, — все они были переведены с греческого. В про-

³ Mihanović Homiliar. Graz, 1957. Л. 262^b. (далее — Мих.)

цессе переводов потребовалось заново образовать немалое число слов молодого славянского литературного языка, особенно отвлеченных. Например, в седальне царь Феодосий назван без-закон-ьнь: перед нами последовательный поморфемный перевод (калькирование) греческой лексемы ἄνομος. Таковы же по механизму происхождения сложные слова типа: бездѣна, благотворити, домоустрои, жестосрѣдиѣ, законооучитель, засвѣдѣтельствовати, зьлодѣи, зьлословити, искоренити, кѣнижникъ, лихоимствѣиѣ, маловѣрь, невѣрнѣнь, неповинѣнь, нерѣкотворѣнь, просвѣтити, прѣображеніе, самовидыѣ, съложение, ѡзычьникъ и т. д.

Казалось бы, и сложная лексема *об-лич-и-ти* должна быть калькой. На самом же деле она, прозрачная в своем словопроизводстве и семантически мотивированная, автохтонного происхождения: она отнюдь не калькирует соответствующий греч. глагол ἐλέγχειν. Лексическая основа с чередованием согласных -лик-/-лиц-/-лич- уже в книжно-письменном языке Древней Руси дала множество производных⁴.

Глагол *обличати* образован от семантически весьма полного имени *лице*, и среди его непонятных (т. е. фоновых) смыслов есть и такой: *лицо* — это подлинный, истинный, сущностный моральный облик человека; отсюда беззаконники и грешники стараются скрыть свое лицо; чтобы представить себя в более выгодном (и одновременно неподлинном) виде, они надевают на себя личину-маску; отсюда затруднительно увидеть настоящее лицо грешника, ибо оно глубоко упрятано. Иногда маска-личина по какой-либо причине спадает (ср.: *Вот он и показал-таки свое лицо!*), или ее срывают. Следовательно, изложенное фоновое представление покоится на противопоставлении лица (как феномена истинного и сущностного) личине (как феномену неподлинного и второстепенного, но выставяемого напоказ).

Если это так, то деривационная семантика глагола *об-лич-и-ть* является вполне регулярной. Как *обнажить* означает 'показать наготу' или *объявить* — 'сделать явным', так и *обличить* — 'показать' скрытое за маской подлинное лицо некоторого человека, обычно для него невыгодное.

Следовательно, внутренняя форма слова является славянской и вполне самобытной.

Греческие контексты создали, однако, совокупность заимствованных, перенятых семантических долей (сем). Для православного — шире, христианского — сознания *обличение* — это (1) обязанность духовных лиц (2) публично и (3) с негодованием (4) ставить на вид человеку (5) доказанные (6) его прегрешения, (7) в надежде, что он усвоит укоризны и исправится, а также [при несоблюдении условия (7)] подвергая себя (8) риску мести и преследований, в том числе и риску лишиться жизни.

⁴ Относительно современного словообразовательного гнезда см., например: Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. *Словарь морфем русского языка*. М., 1986. С. 188—189.

Каждая из семантических долей подтверждается регулярными контекстами. Так, когда Святослав согнал с великокняжеского стола своего старшего брата Изяслава, то основатель русского монашества Феодосий, человек весьма авторитетный, *начать того обличати тако неправедно створиѡша* (Усп. сб. л. 58^б). Феодосий был неутомим в своих укоризнах: тако обличаше того. овѣгда епистолиа посылаше тому. овѣгда же вельможамъ ѡ него приходѡщемъ къ нѣмоу. обличаше того о неправдѣнѣмъ прогнании брата. велѧ тѣмъ повѣдати тому се же и послѣ же въписа къ нѣмоу епистолию великоу зѣло. обличаа того и глѧ. гласъ крѣве брата твоего въпиеть на тѧ къ боу (Усп. сб. л. 586—в).

В личной беседе со Святославом преподобный объясняет свое поведение именно непреложной обязанностью духовного лица (сема 1): се намъ подобаетъ обличити и глѧти вамъ ѡже на спасение дши. и вамъ лѣпо естъ послушати (Усп. сб. л. 59в). Здесь одновременно мы видим и реализацию семы 7.

Святослав, однако, не проявил готовности к покаянию, и Феодосий стал подвергаться немалой опасности: и тако тѣ прочѣте епистолию тоу. разгнѣва сѧ зѣло и тако лѣвъ рикноувъ на правдѣнааго. и оудари тоу о землю. (Усп. сб. л. 58в). В этом контексте представлена сема 8.

Против подобного поведения в книжности есть прямое предупреждение: ненавидѧи обличения наслѣдитъ грѣхъ⁵. Нормативная, одобряемая реакция на укоризны духовенства должна, следовательно, состоять в раскаянии и отказе от прежнего предосудительного поведения⁶.

Укажем еще на коренное отличие обличения от клеветы. Обличают не за мнимые или известные по навету, а за реальные поступки, поэтому прежде чем обличать, духовное лицо обязано исследовать, что произошло, и доказать (сема 5) справедливость обвинений: как себе самому, так и обличаемому. Соответственно в некоторых случаях глагол *обличати* семантически приближается к глаголу *испытывати*. Изборник 1076 г., например, настоятельно советует не обличать никого, пока не проведено испытание: Иако подобаетъ много испытание имѣти. и не отъ слоуха осуждати съгрѣшающага: ни безъ обличения отъвѣтъ износити; Обличи друга многашьди. бо бываетъ клевета и не всѧкому словеси вѣроу ѡмли (Изб. 1076. л. 97—97 об.).

Выяснение истинности дела может потребовать даже обращения к свидетелям: об этом есть прямое указание в Евангелии (Мф 18,15). В дальнейшем привлечение свидетелей стало юридической нормой; ср. в Ефре-

5 Изборник 1076 года / Изд. подгот. Гольщенко В. С., Дубровина В. Ф., Демьянов В. Г., Нефедов Г. Ф. М., 1965. Л. 179об (далее — Изб. 1076).

6 Между прочим, Святослав, так и не желая примириться с братом, все же вынужден обличением Феодосия относительно срамных игр и плясаний в своем доме: Тоже тоу абие онъ съ словемъ блаженааго. оумили сѧ и малы просльзи си. повелѣ тѣмъ прѣстати. и оттолѣ аще коли приставаше тыѧ играти. ти слышаша блаженааго пришьдыша. то повелѣваше тѣмъ прѣстати. от таковыѧ игры (Усп. сб. л. 60^а).

мовской кормчей: Аще ли обличень боудеть отъ дѣвою ли трии послуухъ, да престанеть отъ причѣта. Такова одна сторона вопроса: обличающий должен быть уверен, что он не взял на веру злонамеренную клевету и тем самым не включился в греховное дело. Есть и другая: строгая доказательность обличений строится на имплицитной уверенности, что бессовестный обличаемый едва ли по доброй воле признает свою вину, скорее наоборот, он сделает все возможное, чтобы скрыть свои прегрешения и разрушить доказательства (Ин 3,20—21).

Наконец, нужно еще упомянуть о воспитательной функции обличения. В Апостоле (1 Тим 5,20) авторитетно сказано о необходимости обличать грешников перед всеми, чтобы и прочие страх имели. И ему вторит (по «Материалам» Срезневского) Златоустрий XII в.: Съгрѣшаа прѣдъ всѣми обличай, да друзии зръще тѣхъ страхъ имоуть.

Таким образом, поведенческая ситуация обличения согрешившего властителя (в том числе и царя) духовным лицом (особенно епископом и патриархом) — это духовная ценность византийской христианской культуры, имеющая глубочайшие корни. Она восходит к нормативному поведению ветхозаветных пророков, подтверждается в Новом Завете и многократно закрепляется в житиях святых.

Следовательно, перед нами так называемое парадигматическое поведение — способ вести себя, предписанный религиозной этикой и продемонстрированный авторитетными лицами.

Корни этой парадигмы восходят к Византии, но все же выше мы обильно цитировали Житие Феодосия Печерского, а это произведение не переводной, а оригинальной книжности. Феодосий считал своей обязанностью (сема 1) публично (сема 2) и с негодованием (сема 3) ставить на вид (4) князю Святославу доказанные (5) его прегрешения (6), причем в одном случае — когда святой выступил против бесчинных песен и плясок — великий князь воспринял укоризны (сема 7), а в другом — отверг их и принялся преследовать обличителя (сема 8).

Следовательно, поведение печерского инока уже полностью воспроизводит поведенческую парадигму, пришедшую из Византии. Она же вполне усвоена и писателем Жития Феодосия Печерского (летописцем Нестором), которому она представляется не просто похвальной, а единственно возможной.

Эта парадигма на Руси стала настоящим императивом, и мы видим ее регулярное повторение.

Когда начались бесчинства царя Ивана ("Грозного") и его "опришников", то с обличениями восстал митрополит Филипп. В его проложном Житии (под 9-м января; цитируется первопечатный Пролог) читается:

Блженный же фѣлиппъ црѣа молить, паче же и обличаетъ, еже такового начинаніа престати: и того ради црѣь гнѣваше сѧ на стѧго, и мѣками и изгнаніемъ претѧше. Онъ же тако адамантъ непоколебимъ пребываше, и црѣво прещеніе ни во что же вмѣнаше, о истинѣ же глати не престааше.

Подобно Иоанну Златоусту, святитель Филипп не прекращал обличений, был сам оклеветан, сведен со своего стола, удален в изгнание и (здесь в отличие от Иоанна) умер насильственной смертью. Если Феодосий Печерский — это начальное звено в ряду русских страстотерпцев и строптивцев, то митрополит Филипп — срединное, а если иметь в виду аналогичные ситуации в последующие времена, то нельзя не вспомнить, с одной стороны, о патриархе Никоне и, с другой, о протопопе Аввакуме (оба с противоположных позиций противостояли царю Алексею Михайловичу). Нельзя не вспомнить также о патриархе Адриане и, сделав скачок во времени, о патриархе Тихоне, уже нашем современнике.

Нет сомнения в том, что устойчивость этой парадигмы к исходу XVII в. побудила царя Петра воспрепятствовать избранию, после кончины Адриана, нового патриарха и заставила его ввести синодальное церковное управление.

Парадигма настолько живуча, что и нынешнее российское церковное сознание продолжает видеть в иерархе судью внешней власти и ожидает от него отнюдь не непререкаемой симфонии, а когда нужно, — бесстрашного обличения.

Путем контекстного анализа и на примере одного-единственного слова (и соответствующей поведенческой парадигмы) мы старались показать, как проходил процесс наследования духовной ценности, пришедшей на Русь вместе с принятием христианства. Фоновые смыслы греч. глагола ἐλέγχειν были восприняты слав. глаголом *обличати*, хотя этот последний не является словообразовательной калькой и, следовательно, его мотивация отличалась от греческого соответствия.

Вокруг лексем *обличати* и *обличение* сложилось целое поле соположенной (т. е. синонимической, антонимической и тематической) лексики: сѣдѣти, осѣждати, оубѣждати, оустѣдѣти, оувѣщати, въразоумити, винити и т. д. (с соответствующими производными). На первом месте следует, конечно, назвать тот христианский феномен внутреннего обличения, который обозначается с помощью кальки съ-вѣсть.

Примененный выше контекстный анализ, если его распространить на лексико-семантическое поле, вызывает наглядный образ сопряженных зубчатых колес: поворот одного, самого малого, колеса приводит в движение всю систему. Думается, что благодаря подобному подходу духовное наследование может быть изучено вполне конкретно.